

СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Establishment of the State Category as an Independent Part
of Speech in Modern Russian

Ирина Михайловна Некипелова
irina.m.nekipelova@mail.ru

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова
(Ижевск, Россия)

Светлана Михаеловна Минасян
infoccs.edu@gmail.com

Ереванский государственный университет, Иджеванский филиал
(Иджеван, Армения)

Irina M. Nekipelova
irina.m.nekipelova@mail.ru

Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russia)

Svetlana M. Minasyan
infoccs.edu@gmail.com

Yerevan State University, Ijevan Branch (Ijevan, Armenia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 29.04.2024

Fecha de evaluación: 21.12.2024

Cuadernos de Rusística Española n° 20 (2024), 145 - 159

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию формирования и становления самой последней и самой неоднозначной в русском языке части речи – категории состояния. Исследуемая категория является очень важной для мышления носителей русского языка и представляет собой важную часть языкового кода. Несмотря на то, что исследования слов категории состояния ведутся со второй половины XX века, статус этой части речи и ее состав до сих пор остаются неопределенными. Не все словари, например, признают существование категории состояния как самостоятельной части речи. В словарных статьях для слов категории состояния они используют специальное обозначение «в функции сказуемого». Тем не менее некоторые новейшие словари выделяют исследуемую часть речи как автономную. В ходе исследования было выявлено, что категория состояния расширяется за счет межкатегориального перехода слов из одной части речи в другую. Этот процесс осуществляется за счет того, что многие слова одновременно функционируют и как слова, принадлежащие исходной части речи, и как слова, принадлежащие категории состояния. Однако в некоторых случаях происходит не только вытеснение словами категории состояния исходных существительных и наречий, в результате чего употребление этих существительных и наречий начинает сходиться на нет, но и даже утилизация слов исходной частеречной принадлежности. В завершение исследования были сделаны выводы, содержащие информацию о том,

каким образом происходит становление категории состояния как самостоятельной части речи и каким образом она продолжает пополняться.

Ключевые слова: категория состояния, слова категории состояния, семантическая деривация, семантические трансформации, межкатегориальный переход, культурный языковой код

ABSTRACT

The article is devoted to the study of formation and establishment of the latest and most ambiguous part of speech in Russian, that is, the category of state. This category is very important for the thinking of native speakers of the Russian language and represents an important part of the language code. Despite the fact that studies of statives have been conducted since the second half of the 20th century, the status of this part of speech and its structure are still uncertain. Not all dictionaries, for example, recognize the existence of state category as an independent part of speech. In dictionary articles for statives, they use the special designation "in function of predicate." However, some recent dictionaries distinguish the category of state as an autonomous part of speech. The study reveals that the state category expands due to the intercategoryal transition of words from one part of speech to another. Many words function both as words belonging to the original part of speech and as words belonging to the category of state. However, in some cases, not only the words of the category displace the state of the original nouns and adverbs, as a result of which the use of nouns and adverbs begins to fade away, but even the utilization of the words of the original affiliation. At the end of the study, conclusions were made containing information on how the category of state becomes an independent part of speech and how it continues to replenish.

Keywords: category of state, statives, semantic derivation, semantic transformations, intercategoryal transition, cultural language code

ВВЕДЕНИЕ

Содержание национального языка обусловлено особенностями заключенного в нём культурно-семантического кода, раскрытие которого во многом происходит посредством исследования семантики языка (Бабиян 2001; Абдыразакова 2013; Дмитриев 2019), позволяющей увидеть в языке систему (Лихачёв 1993, Добровольский 1997; Попова, Стернин 2007, организующую действительность, в которой живёт народ. За счет способности содержать в себе структурированные семантические коды язык становится «важным способом познания и освоения человеком действительности посредством непрямого опыта» (Некипелова, Минасян 2022: 118), то есть такого опыта, который является опосредованным, данным человеку в готовом виде. Именно поэтому многие современные исследования базируются на изучении функционирования языковых единиц с опорой на культурные концепты, заложенные в языке (Sharifian 2011, Wolf 2021). Это обеспечивает понимание языка как средства концентрированного осмысления коллективного культурного опыта, представленного в виде языкового кода. Одним из важнейших культурных кодов в русском языке следует считать частеречную принадлежность слов, функционирующих в языке.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Категория состояния является одной из самых поздних и неоднозначных категорий, получивших развитие в современном русском языке. Её формирование до сих пор продолжается, и в этот процесс вовлекаются новые лексические единицы, принадлежащие другим частям речи.

Категория состояния – такая часть речи, которая объединяет предикативы, по своей семантической наполненности противопоставленные глагольным предикативам, выражающим действие, и именным предикативам, выражающим признак. Задача слов категории состояния – выразить предикат, не находящийся, в отличие от глаголов, в динамическом состоянии.

Это не единственный способ в русском языке разграничить статическое и динамическое состояние объекта. Он существует наряду с другими грамматическими способами выражения статики и динамики. В этой связи следует упомянуть:

- 1) разграничение наречий: *справа – направо, слева – налево, наверху – сверху и наверх, внизу – снизу и вниз, впереди – вперёд, позади – назад, где – куда и откуда, дома – домой* и пр., первые из которых выражают статическое положение объекта и используются при описании его местоположения, а вторые выражают динамическое положение объекта и используются при обозначении направления его движения;
- 2) разграничение употребления форм предложного и винительного падежей существительных и местоимений с предлогами *на* и *в*, первые из которых выражают местоположение (*на заводе, в банке*), а вторые – направление движения (*на завод, в банк*);
- 3) разграничение значений предлогов *в* и *на*, употребляющихся с формами предложного падежа существительных и местоимений и способных разграничивать выражение статического местоположения (*на дороге*) и динамического движения (*в дороге*);
- 4) разграничение употребления форм творительного и винительного падежей существительных и местоимений с предлогами *под* и *за*, первые из которых выражают местоположение (*под столом, за шкафом*), а вторые – направление движения (*под стол, за шкаф*).

Несмотря на то, что категория состояния проявляет себя в русском языке давно, долгое время самостоятельное существование слов категории состояния в науке не признавалось. Первые серьёзные исследования этих слов осуществлялись Л. В. Щербой (Щерба 1974) и В. В. Виноградовым (Виноградов 1979). В современном русском языке большинство грамматистов признают категорию состояния как самостоятельную часть речи, имеющую свои семантические, морфологические и синтаксические свойства, однако до сих пор не все лингвисты допускают ее самостоятельность. Кроме того, те учёные, которые всё же признают существование категории состояния как самостоятельной части речи, по-разному определяют её состав и грамматические свойства слов, её образующих, поскольку сама по себе она в достаточной степени неоднородна. Существование в русском языке категории состояния обусловлено существованием в нём определённого культурного кода, обслуживанием которого занимается язык. В этом отношении язык является социальным заказом, поскольку способен выражать и выражает актуальные в мышлении людей категории. И если таких способов не существует, он ищет, как это сделать.

В разное время исследуемые нами языковые единицы получали разные терминологические названия, но, на наш взгляд, наиболее удачным является термин

«слова категории состояния», который характеризует исследуемые нами слова с точки зрения их семантической наполненности, а также термин «предикативы», который характеризует их с точки зрения выполняемой ими синтаксической функции.

В ментальности русского человека заложено различие между такими базовыми категориями мышления как действие, выраженное глаголом, и чувствование, или состояние, выраженное словами категории состояния – определёнными грамматически и семантически трансформированными словами. Трансформация этих слов была вызвана их внутренним семантическим сдвигом и тянула за собой сдвиг грамматический, поскольку в языке для точности и однозначности понимания новых конструкций появилась необходимость различать конструкции действия и конструкции состояния. Одновременно с этим трансформации подвергались и некоторые другие конструкции, деформировавшие привычную для русского языка структуру предложения и сформировавшие специальные грамматические условия функционирования новых языковых единиц.

Категория состояния является уникальной для русского языка категорией, имеющей формальный грамматический план выражения. Она не была присуща русскому языку изначально, и в литературном языке делались неоднократные попытки её вытеснения. Она зародилась в живой разговорной речи как потребность выразить не действие, а состояние субъекта, отличающееся в то же время от описания. Эта категория настолько важна для русской языковой культуры и русского менталитета, что всё большее количество слов оказываются вовлечёнными в неё. Для носителя русского языка как родного категория состояния является категорией априорной, то есть такой, употребление которой не требует языковой верификации: она данность языка. В силу этого русскоязычные люди употребляют слова категории состояния, потому что так установлено языком.

Статья является продолжением исследования, посвящённого изучению когнитивных процессов и механизмов семантической деривации, под влиянием которых изменяется язык. В целом считается, что частеречная система русского языка уже сложилась, и с этой точки зрения интересным является исследование того, какими средствами язык, преодолевая работу хорошо отлаженной системы, справляется с задачей создания специальной части речи, выражающей состояние. Детали перехода требуют дополнительных исследований. Однако в настоящее время можно говорить о том, что категория состояния формируется как самостоятельная часть речи, что доказывается тем фактом, что её представляют слова, не могущие выступать в роли других частей речи.

Целью исследования является выявление и описание механизма семантико-грамматических трансформаций, приводящих к формированию и становлению новой части речи в русском языке – категории состояния. Предметом исследования является межкатегориальный переход слова из одной части речи в категорию состояния и формирование этой категории как самостоятельной и автономной.

Материалом исследования послужили данные современных толковых словарей, на основе которых был осуществлён анализ отмирания связей слов категории состояния со словами исходных частей речи, от которых они были образованы.

В исследовании были использованы следующие методы: сравнительный и компонентный семантико-грамматический анализ.

ФОРМИРОВАНИЕ АВТОНОМНОСТИ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Большая часть современных словарей не фиксирует слова, выражающие категорию состояния, как самостоятельные. В «Большом толковом словаре русского языка» (Кузнецов 1998) все они тем или иным образом отнесены к основным частям речи, но имеют специальную помету – *в функции сказуемого*. Таким образом, с точки зрения современных словарей русского языка, слова, перешедшие в разряд слов категории состояния и разорвавшие свои отношения с другими частями речи, являются в настоящее время словами, не имеющими частеречной принадлежности. Они только выполняют синтаксическую функцию, которая ранее им свойственна не была. Однако некоторые словари, например «Новый словарь русского языка» (Ефремова 2000), в котором зафиксировано 1200 «предикативов» (в иной терминологии – «слов категории состояния»), признают категорию состояния как самостоятельную часть речи. В «Большом универсальном словаре русского языка» (Морковкин, Богачева, Луцкая 2022) эта категория также вынесена как автономная. При этом необходимо учитывать, что оба словаря фиксируют то, что уже принято языком.

1. Разрыв связей со словами других частей речи

Несмотря на то, что категория состояния является важной частью категориального ментального мышления носителей славянских языков в целом и в том числе носителей русского языка, грамматическое её выражение является вторичным, поскольку практически все слова, относящиеся в настоящее время к категории состояния как к части речи, являются производными и образованы семантическим способом от слов, относящихся к другим частям речи, при этом семантические процессы осуществляются с поддержкой грамматики, поскольку параллельно с семантическими трансформациями происходит грамматический дрейф, под которым С. С. Сай понимает «определённые микроизменения, касающиеся не столько возможностей грамматической системы русского языка, сколько количественных характеристик, частотностей реализации этих возможностей» (Сай 2014: 580).

Категория состояния является вторичной частью речи, то есть она не имеет самостоятельного образования в русском языке, а в случае образования от наречий – третичного, поскольку наречия в русском языке также не имеют самостоятельного первичного формирования и образованы морфемным способом от слов других частей речи (*хороший* (прил.) → *хорошо* (нар.)). В отличие от наречий, слова категории состояния образуются семантическим способом, то есть путём семантического переноса значения со слова одной части речи на слово категории состояния (*хорошо* (нар.) → *хорошо* (кат. сост.).

1.1. Наречия и слова категории состояния

Самым продуктивным и наиболее типовым способом образования предикативов является их образование от наречий в результате потери наречиями основного категориального значения качества, характеризующего действие (*хорошо читать*),

реже – характеризующего признак (*трепетно нежный*), и приобретении ими значения, выражающего состояние (*мне хорошо, мне трепетно*).

В настоящее время в русском языке фиксируются 1) собственно наречия, не породившие в результате межкатегориального переноса слова категории состояния (*медленно* (наречие)), 2) параллельно существующие наречия и образованные о них слова категории состояния, при этом предикативы могут быть зафиксированы или не зафиксированы в словаре (*хорошо* (наречие) → *хорошо* (слово категории состояния)); 3) слова категории состояния и практически вытесненные ими из языка наречия (*грешно* (наречие) → *грешно* (слово категории состояния)); 4) предикативы, вытеснившие наречия (*невдомёк* (слово категории состояния)).

Рассмотрим случай, показывающий постепенный разрыв производного и производящего слов, сопровождающийся постепенной утратой последнего.

Некоторые наречия, выражающие значение состояния, практически полностью оказались вытесненными из языка и из речевой практики предикативами, поскольку функции выражения состояния взяла на себя специальная часть речи – категория состояния. И несмотря на то, что словари до сих пор фиксируют подобные наречия как существующие в языке, а также на то, что в целом носители языка способны понять значения этих наречий, практически никто не употребляет их в речи именно как наречия. Так, о слове *грешно* в словаре сказано, что оно имеет значение ‘предосудительно, нехорошо, стыдно’ и является наречием, выполняющим функции сказуемого. Оно может управлять инфинитивной формой глагола, сочетаться с дативным подлежащим и имеет народно-разговорный характер: *грешно обманывать; грешно тебе так говорить*. В целом наречное употребление слова *грешно*: *ты говоришь грешно* – понятно ещё носителям языка, но в реальной живой речи уже не встречается.

В отношении слова *жалко* в «Большом толковом словаре русского языка» присутствует следующая словарная статья:

«ЖАЛКО. I. нареч. 1. к Жалкий (1 зн.). *Ж. поджала плечи*. 2. в функц. сказ. Разг. О чувстве жалости, сострадания; жаль (1 зн.). *Мне его так ж.! Тебе себя не жалко, день и ночь работаешь!* 3. в функц. сказ. (что и с инф.). О чувстве досады при утрате, утере чего-л. или возможности лишиться чего-л. и т.п. *Ж. бросать работу. Ж. ушедшей молодости. Ж. тратить деньги на чепуху. Ж., если ничего не удастся сделать. Ж., что всё так нехорошо получилось*. II. в зн. вводн. сл. Разг. Употр. для выражения сожаления, огорчения; жаль, к сожалению. *Купил бы, да, ж., денег нет. Заниматься этим делом, ж., не смогу*» (Кузнецов 1998).

Мы видим, что слово *жалко* как слово категории состояния дано в той части статьи, где говорится о том, что это слово является наречием, в то время как это же слово, будучи вводным словом, дано в отдельной части статьи. Это является свидетельством о ещё имеющейся в языке неразрывности наречий и слов категории состояния. Однако практика речевой коммуникации говорит о том, что слово *жалко* практически не употребляется в речи носителей языка как наречие, а слово *жаль* – никогда. На этих примерах можно увидеть, как происходит процесс перехода наречий в слова категории состояниях с последующим их отмиранием в связи с возрастающей коммуникативной ненужностью.

Таким образом, мы можем наблюдать, что в языке функционируют 1) наречия, породившие слова категории состояния, 2) наречия, имеющие это свойство потенциально, 3) наречия, окончательно перешедшие в разряд слов категории состояния. В данном случае мы не можем говорить непосредственно о конкуренции слов, поскольку слова употребляются в слишком разных грамматических позициях. В подобных случаях происходит актуализация одной позиции, когда слово категории состояния начинает закреплять за собой основное категориальное значение, и деактуализация другой позиции, когда наречие перестаёт обслуживать глаголы.

2.2. Существительные и слова категории состояния

К словам категории состояния относятся также некоторые бывшие существительные, в одном из своих грамматических употреблений потерявшие категориальное значение предметности и выражающие в настоящее время значение состояния. Иногда по отношению к ним используется термин «несогласуемые именные предикативы».

В отношении этих слов в словарях используется специальное указание на то, что они в неизменяемой, то есть в застывшей, форме могут быть использованы в значении сказуемого. Однако нам представляется такое обозначение не совсем верным, поскольку необходимо понимать разницу между тем, когда существительное выполняет функцию сказуемого, являясь частью составного именного сказуемого, выраженного с помощью нулевой связки (в настоящем времени: *этот брак – позор для всей семьи*) или не нулевой (в будущем и прошедшем времени: *этот брак был позором для всей семьи* и *этот брак будет позором для всей семьи*), при подлежащем – субъектом описания, имеющем форму именительного падежа, и когда оно, теряя значение предметности, выполняет функции предиката, выражающего состояние (*позор выходит замуж за этого человека*). То, что в данном случае слово *позор* является не подлежащим, а сказуемым можно доказать, во-первых, его способностью к замене словом категории состояния – предикативным наречием: *позорно выходит замуж за этого человека*, а также трансформацией предложения: *это позор – выходит замуж за этого человека*.

В настоящее время можно говорить о том, что подавляющее большинство существительных не в состоянии переходить в разряд слов категории состояния. Но есть также случаи, когда параллельно сосуществуют существительное и образованное от него слово категории состояния, а также слово категории состояния, которое практически вытеснило из языка существительное, от которого было образовано. Разберем несколько примеров.

Существительное *охота* имеет значение ‘желание, стремление, склонность к чему-либо’: *работать с охотой; охота к рисованию; по своей охоте*. Также оно способно выступать в неизменяемой форме в функции сказуемого в значении ‘желание; хочется (что-либо делать)’, управлять инфинитивной формой глагола и сочетаться с субъектом дательном падеже: *мне охота пить*. Это существительное лежит в основе фразеологизма *охота тебе (вам, ему) (делать что-либо)*, функционирующего в значении ‘зачем, с какой стати, какая нужда (делать что-либо)’ и имеющего разговорный характер. К нему примыкает существительное *неохота*,

имеющее значение 'нежелание, отсутствие стремления, склонности к чему-либо': *с неохотой говорить, читать; почувствовать неохоту есть*. Однако гораздо чаще в обычной речи это существительное выполняет роль категории состояния, выступая в функции предиката в значении 'не хочется, нет желания (что-либо делать)': *мне неохота разговаривать*. Оно способно управлять дополнением, выраженным инфинитивной формой глагола и вступать в предикативно-субъектные отношения с существительными и местоимениями в дательном падеже. Кроме того, оно имеет разговорный характер. Оба слова достаточно часто используются в речи носителей языка как слова категории состояния, а это значит, что, если учитывать общность их значений ('желание' для существительного и слова категории состояния *охота*; 'нежелание' для существительного и слова категории состояния *неохота*), в настоящее время происходит их конкуренция, в результате которой существительные *охота* и *неохота* могут быть вытеснены из употребления.

Разговорное существительное *недосуг* имеет значение 'отсутствие свободного времени': *сослаться на недосуг; объяснить свой отказ недосугом*. Однако для носителей русского языка его употребление не является частотным. Оно практически полностью было вытеснено словом категории состояния *недосуг*, имеющим значение 'нет свободного времени; некогда': *надо бы сходить в библиотеку, да всё недосуг*. Как и все иные слова категории состояния, оно способно сочетаться с дативным подлежащим и управлять дополнением, выраженным инфинитивной формой глагола: *ему было недосуг прочитать статью*. Слово *недосуг* было образовано от слова *досуг* в значении 'время, не занятое работой, делами', не имеющее, как ни странно, возможности, согласно данным словарей, выполнять предикативные функции: *посвятить свой досуг театру; в часы досуга заниматься живописью; с пользой провёл свой досуг*. Однако речевая практика доказывает обратное. Так, в басне «Волк и ягнёнок» И. А. Крылова есть следующее употребление: *Досуг мне разбирать вины твои, щенок!* Этот пример доказывает, что, даже несмотря на отсутствие в словаре указания на то, что существительное способно выступать предикатом, нельзя утверждать это безоговорочно.

Список подобных существительных достаточно ограничен. Все семантико-грамматические изменения, имеющиеся в их структуре, зафиксированы в словарях. Однако делать какие-либо заключительные выводы здесь сложно, поскольку, с одной стороны, эта группа слов действительно является закрытой, она пополняется крайне медленно и не массово, а это значит, что не любое существительное может попасть в этот список, став словом категории состояния. С другой же стороны, контекстуальные употребления некоторых существительных, не переходящих в разряд слов категории состояния, не вызывают у носителей русского языка как родного затруднений в понимании контекста: *мне радость видеть тебя счастливым*.

2.3. Глаголы и слова категории состояния

Глаголы при всей их кажущейся категориальной семантической гомогенности также способны к семантическим трансформациям. В этом ключе исследованию семантики глаголов посвящены работы, показывающие не только частные возможности выражения глаголом разных категориальных значений, но и возможности выражения

словом значений в целом: «¿Qué significados pueden ser expresados por una palabra en las diferentes lenguas?» (Guzmán Tirado 2011: 15). Среди проведенных исследований особо следует отметить такие, которые включают описание безличных употреблений глаголов, сопровождающихся процессами их внутреннего и внешнего семантического смещения. Так, И. Томьер-Шаховская, исследуя функционирование глагола *веять* в современном русском языке, указывает на то, что в условиях безличного употребления «аргумент в творительном падеже – как в случае с *веять*, так и в случае с *пахнуть* – соответствует причине ощущения, описываемого глаголом» (Томьер-Шаховская 2021: 98). Следовательно, возникают контекстуальные условия, в которых безличные формы глаголов теряют исходно присущее им категориальное значение глагольного действия и приобретают значение ощущения, то есть состояния. Основываясь на этом языковом факте, мы, таким образом, к словам категории состояния, можем отнести и ряд застывших глагольных форм, потерявших категориальное значение глагольного действия и приобретших категориальное значение состояния. В силу того, что процесс их грамматической трансформации до настоящего времени не завершён, мы будем говорить о том, что безличные формы глаголов тяготеют к словам категории состояния и выполняют в высказываниях их роль, разнясь с глаголами в чистом виде. Речь идёт о соотношении таких высказываний, *как я не сплю* (действие) и *мне не спится* (состояние), *я хочу* (действие) и *мне хочется* (состояние), *я не работаю* (действие) и *мне не работается* (состояние) и пр.

К глагольным предикативам можно отнести, например, следующие слова: *везёт* (*ему не везёт в любви*), *следует* (*вам следует отдыхать*), *стоит* (*вам стоит подумать о своём здоровье*), *удаваться* (*нам не удаётся встретиться*) и пр. Это застывшие глагольные формы третьего лица единственного числа, способные соотноситься с существительными и местоимениями в дательном падеже и не способные соотноситься с существительными и местоимениями в именительном падеже. Например, слово *везти* (св. *повезти*) в пяти (из двадцати шести возможных глагольных форм) застывших формах разного времени (*везёт* – настоящее время, *везло* и *повезло* – прошедшее время, *будет везти* и *повезёт* – будущее время) является предикативом и используется в значении ‘удаваться (об успехе, удаче)’: *ему в жизни очень везло; весь вечер ему везло в карты; мне везёт на встречи с хорошими людьми*. Оно сочетается с дативным подлежащим и способно управлять инфинитивными формами глагола: *ему везёт, нам повезло жить у моря*. Интересным является тот языковой факт, что в истории языка существовали и иные застывшие безличные формы глагола, например, *паит* и *спорит*, но они были языком утрачены. В целом следует сказать, что «частные семантико-грамматические изменения в структуре глагола *везти*, зафиксированные в словарях и в контекстах, соответствуют общей тенденции русского языка, направленной в сторону усиления роли и позиций слов категории состояния» (Некипелова, Некипелов 2021: 66).

Все указанные выше процессы являются свидетельством того, что языком осуществляется семантический и грамматический поиск новых способов выражения категории состояния, а сама категория усиливает свои позиции и расширяется.

2. АВТОНОМНОСТЬ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Собственно, словами категории состояния можно считать такие слова, как *жаль, нельзя, неведомо, невдомёк, невмочь, некогда, незачем, надо, нужно* и пр., поскольку они потеряли семантико-грамматическую связь со словами других частей речи, от которых были образованы. Разберем несколько примеров, доказывающих автономность этих слов от слов других частей речи.

В отношении слова *жаль* в «Большом толковом словаре русского языка» (под общ. ред. С. А. Кузнецова) сказано, что оно выполняет в предложении функцию сказуемого и используется в двух значениях: в значении 'о чувстве жалости, сострадания' оно способно управлять дополнением, выраженным инфинитивной формой глагола или существительным / местоимением в винительном падеже: *жаль мне моего бесприютного друга; ему никого не жаль; жаль огорчать тебя*; в значении 'досадно, грустно, печально' оно управляет инфинитивной формой глагола: *жаль покидать родные места; жаль расставаться*, и сочетается с изъяснительным придаточным: *жаль, что уже похолодало; жаль, что она не придёт*. Это значение также сопровождается коннотационным сознанием 'о чувстве досады при утрате, утере чего-либо, возможности лишиться чего-либо и т. п.': *жаль потерянного времени; на эту книгу жаль денег; жаль бесцельно потратить оставшиеся годы жизни*. В этом сознании предикатив *жаль* управляет объектом в родительном падеже и инфинитивной формой глагола.

Статья выглядит следующим образом:

«ЖАЛЬ. I. в функц. безл. сказ. 1. кого (что) и с инф. О чувстве жалости, сострадания. *Ж. мне моего бесприютного друга. Ему никого не ж. Ж. огорчать тебя.* 2. (с инф.). Досадно, грустно, печально. *Ж. покидать родные места. Ж. расставаться. Ж., что уже похолодало. Вы не были на моём докладе? Ж. Ж., что она не придёт. Ж., что лекция не состоится.* // кого-чего и с инф. О чувстве досады при утрате, утере чего-л., возможности лишиться чего-л. и т.п. *Ж. потерянного времени. На эту книгу ж. денег. Ж. бесцельно потратить оставшиеся годы жизни*» (Кузнецов 1998).

В «Большом универсальном словаре русского языка» в отношении этого слова представлена следующая статья:

«ЖАЛЬ¹, *сост.*

1.0. О чувстве жалости, сострадания по отношению к кому-чему-л. **Син.** жалко². [Кому-чему-л. (*напр.*, матери, мне, обществу ...)] **жаль** детей (пострадавших, всех, котёнка, семью, дом ...). Очень (*ужасно разг.*, искренне, до боли, до слёз, от души ...) **жаль** кого-что-л. **Нам его так жаль! Мужина мне, конечно, жаль, но ещё больше жаль себя.*

2.0. О чувстве грусти, горечи, досады по поводу отсутствия, утраты, исчезновения и т. п. кого-чего-л. **Син.** жалко². *Ж. ушедших друзей. Ж. потраченного времени. Прошлому мне ничуть не ж.*

2.1. О чувстве сожаления, к-рое возникает вследствие чего-л. **Син.** жалко². [Кому-л. (*напр.*, какому-л. человеку, мне, всем ...)] **жаль** оставлять кого-что-л. (потерять кого-что-л., бросить кого-что-л., расставаться, уходить, уезжать, говорить

кому-л. о чём-л. ...). [Кому-л.] **жаль**, что (если ...) *с придат.* Очень ... **жаль**. **Нам всем очень жаль покидать вас, но ничего не поделаешь, пора домой. Жаль, что ты не пришёл. Жаль, если его не окажется дома. Мухина нет. – Очень жаль.*

3.0. О нежелании совершать какое-л. действие, ведущее к утрате чего-л., уменьшению количества чего-л. **Син.** жалко². [Кому-л. (*напр.*, ему, мне ...)] **жаль** отдавать что-л. (тратить что-л., расходовать что-л. ...). **Жаль** денег (продуктов ...). **Не буду ничего покупать – денег жаль*» (Морковкин, Богачева, Луцкая 2022)

Из приведенных статей следует, что составители и того, и другого словаря не видят слово *жаль* как наречие.

Слово *нельзя* сопровождается в «Большом толковом словаре русского языка» (под общ. ред. С. А. Кузнецова) следующей информацией: оно используется в функции сказуемого в сочетании с инфинитивом глагола и имеет два значения: первое значение ‘нет возможности; невозможно’: *здесь нельзя проехать; нельзя прочесть эту надпись; отсюда нельзя увидеть салют*, сопровождается коннотационным созначением ‘нет возможности обойтись без чего-либо’: *нельзя обойтись без хлеба; без дружбы жить нельзя*; второе значение ‘не разрешается, не дозволено; запрещено’: *по газонам ходить нельзя; нельзя входить в кабинет без стука; объяснить ребёнку, что можно делать, а что нельзя*, сопровождается коннотационным созначением ‘не следует, недопустимо, не принято’: *тебе нельзя носить этот фасон; перебивать старших нельзя; так разговаривать отцом нельзя*. Предикатив *нельзя* лежит в основе фразеологизма *дохнуть нельзя*, имеющего значение ‘о положении человека, находящегося под чьим-либо надзором’: *мать такая строгая, что и дохнуть нельзя*, а также входит в состав устойчивых выражений *нельзя ли* в значении ‘можно ли, разрешите, позвольте’, *нельзя не* в значении ‘приходится, необходимо, должно’ и *нельзя сказать, чтобы* в значении ‘вряд ли верно, что...; можно усомниться в том, что...’.

В русском языке зафиксировано несколько предикативов, не имеющих параллельных наречных употреблений, образование которых выдаёт в них всё же наречное происхождение. Одним их этих слов является предикатив *невдомёк*. В «Большом толковом словаре русского языка» (под общ. ред. С. А. Кузнецова) сказано, что это слово выполняет в предложении функции сказуемого, способно управлять инфинитивной формой глагола, сочетаться с придаточным предложением и иметь при себе дативное подлежащее: *сразу понял то, что другим невдомёк; мне невдомёк, как найти выход из тупиковой ситуации*. Оно употребляется в значении ‘невозможно догадаться, сообразить; не пришло в голову, не было понятно’ и имеет разговорный характер. По всей видимости, судя по составу его морфем, когда-то оно было наречием, но перестало использоваться как наречие, и сейчас невозможно построить предложение, в котором оно выступало бы как наречие, поскольку оно потеряло значение качества действия.

Таким образом, в русском языке есть слова, которые утратили семантико-грамматическую связь с исходными частями речи и которые можно отнести только к одной части речи – категории состояния. Они составляют особую группу слов. К этой группе слов примыкают некоторые обстоятельственные конструкции, также перешедшие в разряд слов категории состояния: *не под силу* (*ему не под силу сделать это*), *не по плечу* (*ему не по плечу закончить эту работу*), *не до сна*, *нет дела* и

некоторые другие. Подобных конструкций в языке достаточное количество, однако ни один словарь не имеет дело с ними как с автономными словарными единицами.

Приведенные выше примеры являются доказательством возможности автономного существования категории состояния как самостоятельной части речи, поскольку есть перечень слов, не соотносимых ни с какими иными частями речи. Именно наречные предикативы стали одними из первых слов, которые утратили связь с исходной частью речи (наречиями) и которые на сегодняшний день имеют единственно возможную частеречную принадлежность – принадлежность к категории состояния. Однако не только наречные предикативы, но и другие слова, принадлежащие иным частям речи, за счёт принятия ими стандартных и типовых способов выражения категории состояния могут оказаться в отрыве от своей исходной частеречной принадлежности и разорвать с ней связь, закрепившись в языке исключительно как предикативы – слова категории состояния.

Процесс межкатегориального перехода имеет живой разговорный характер, что отчасти подтверждается тем, что большинство проанализированных слов имеют помету «разговорное». Динамика развития русского языка приводит к тому, что категория состояния продолжает развиваться и пополняться новыми единицами, однако это процесс не может иметь массовый характер, поскольку в него включаются не все слова, а только такие, которые с большой вероятностью способны выражать значение состояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведённого исследования позволяют утверждать, что категория состояния существует в русском языке как самостоятельная часть речи. Её формирование на грамматическом уровне завершено, а пополнение осуществляется в постоянном режиме функционирования языка в результате повседневной речевой коммуникации носителей языка за счёт межкатегориального переноса слова из одной части речи в другую в результате акта семантической деривации.

Признаками того, что категория состояния является самостоятельной частью речи, являются следующие: 1) наличие слов, которые выполняют только функции предикативов и не могут выступать как слова других частей речи; 2) факт того, что не все слова одной части речи актуально и даже потенциально могут перейти в разряд слов категории состояния; 3) формирование семантического разрыва между производящим и производным словами.

В целом следует отметить, что язык находит способы преодолевать первоначальную гетерогенность ступающих в новые категориальные отношения слов различных частей речи и формировать в достаточной степени гомогенную группу слов, объединённых одной категориальной семантикой и практически идентичной категориальной грамматикой.

Безусловно, каждая подгруппа слов, составляющих категорию состояния, как и отдельные их слова – предикативы, требует более детального исследования, что может пролить свет не только на то, каким образом происходят изменения в языке, но и на то, каким образом мышление человека способно изменять язык.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АБДЫРАЗАКОВА, М.У. (2013). Понятия «концепт» и «концептосфера», особенности художественного концепта. *Вестник Международного университета Кыргызстана*, 2 (24), 51–53.
2. БАБИЯН, Т.В. (2001). Интерпретация понятия «концептосфера» в лингвокультурологических исследованиях. *Балтийский гуманитарный журнал*, 4 (37), 206–209.
3. ВИНОГРАДОВ, В.В. (1979). *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.: Высшая школа.
4. ДМИТРИЕВ, О.А. (2019). Понятия «концептосфера», «концепт» и «картина мира» в альтернативных медиа. *Известия Уральского федерального университета*, 2 (186), 81–89.
5. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Д.О. (1997). Национально-культурная специфика во фразеологии. *Вопросы языкознания*, 6, 37–48.
6. ЕФРЕМОВА, Т.Ф. (2000). *Новый словарь русского языка*. В 2-х т. М.: Русский язык, Т. 1 А–О; Т. 2. П–Я.
7. КУЗНЕЦОВ, В.А. (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
8. ЛИХАЧЁВ, Д.С. (1993). Концептосфера русского языка. *Известия РАН. Серия литература и язык*, 52, 3–9.
9. МИНАСЯН, С.М., НЕКИПЕЛОВА, И.М. (2022). Лингвокультурологические аспекты современных исследований семантики слова (на материале синонимического ряда *родина – отечество – отчизна* в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»). *Revista de Etnologie și Culturologie*, XXXII, 22–31.
10. МОРКОВКИН, В.В., БОГАЧЕВА, Г.Ф., ЛУЦКАЯ, Н.М. (2022). *Большой универсальный словарь русского языка*. В 2-х т. М.: АСТ-Пресс, Т. 1. А–О; Т. 2. П–Я.
11. НЕКИПЕЛОВА, И.М., НЕКИПЕЛОВ, Э.Ш. (2022). Семантические причины грамматического дрейфа (на материале трансформаций глаголов *везти, пауть, спорить*). *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 7, 54–69.
12. ПОПОВА, З.Д., СТЕРНИН, И.А. (2007). *Язык и национальная картина мира*. Воронеж: Истоки.
13. САЙ, С.С. (2014). Лексические механизмы грамматического дрейфа: конструкции с дативным субъектом в русском языке XVIII–XXI веков. *Acta Linguistica Petropolitana*, 10, 568–610.
14. ТОМЬЕР-ШАХОВСКАЯ И. (2021). Глагол «везть» в современном русском языке в свете лексической семантики. *Cuadernos de Rusística española*, 17, 91–104.
15. ЩЕРБА, Л.В. (1974). О частях речи в русском языке в кн. *Языковая система и речевая деятельность* (pp. 77–100). Л.: Наука.
16. GUZMÁN TIRADO, R. (2011). La semántica de los verbos que expresan «rotación». Perspectiva tipológica (sobre el material del español y el ruso). *Cuadernos de Rusística española*, 7, 13–19.
17. SHARIFIAN, F. (2011). *Cultural Conceptualizations and Language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
18. WOLF, H.-G., LATIC, D., FINZEL, A. (2021). *Cultural-Linguistic Explorations into Spirituality, Emotionality, and Society*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

REFERENCES

1. ABDYRAZAKOVA, M.U. (2013). Ponyatiya «kontsept» i «kontseptosfera», osobennosti hudozhestvennogo kontsepta (“Concepts of «concept» and «conceptosphere», features of the artistic concept”). *Vestnik Mezhdunarodnogo universiteta Kyrgyzstana (Bulletin of International University of Kyrgyzstan)*, 2 (24), 51–53.
2. BABIYAN, T.V. (2001). Interpretatsiya ponyatiya «kontseptosfera» v lingvokul'turologicheskikh issledovaniyah (“Interpretation of the concept of «conceptosphere» in linguoculturological studies”). *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal (Baltic Humanitarian Journal)*, 4 (37), 206–209.
3. VINOGRADOV, V.V. (1979). *Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. M.: Vysshaya shkola.
4. DMITRIEV, O.A. (2019). Ponyatiya «kontseptosfera», «kontsept» i «kartina mira» v al'ternativnykh media (“Concepts of «conceptosphere», «concept» and «picture of the world» in alternative media”). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta (News of the Ural Federal University)*, 2 (186), 81–89.
5. DOBROVOL'SKIJ, D.O. (1997). Natsional'no-kul'turnaya spetsifika vo frazeologii (“National-cultural specificity in phraseology”). *Voprosy yazykoznanija (Questions of linguistics)*, 6, 37–48.
6. EFREMOVA, T.F. (2000). *Novyj slovar' russkogo yazyka*. V 2-h t. M.: Russkij yazyk, T. 1 A–O; T. 2. P–YA.
7. KUZNECOV, V.A. (1998). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint.
8. LIHACHEV, D.S. (1993): Kontseptosfera russkogo yazyka (“Conceptosphere of the Russian language”). *Izvestiya RAN. Seriya literatura i yazyk (Izvestia of the Russian Academy of Sciences. Series Literature and Language)*, 52, 3–9.
9. MINASYAN, S.M., NEKIPELOVA, I.M. (2022). Lingvokul'turologicheskie aspekty sovremennykh issledovanij semantiki slova (na materiale sinonimicheskogo ryada rodina – otechestvo – otchizna v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot») (“Linguoculturological aspects of modern studies of word semantics (based on the material of the synonymous series *родина – отечество – отчизна* in the novel by F.M. Dostoevsky «The Idiot»”). *Revista de Etnologie și Culturologie*, XXXII, 22–31.
10. MORKOVKIN, V.V., BOGACHEVA, G.F., LUCKAYA, N.M. (2022). *Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka*. V 2-h t. M.: AST-Press, T. 1. A–O; T. 2. P–YA.
11. NEKIPELOVA, I.M., NEKIPELOV, E.SH. (2022). Semanticheskie prichiny grammaticheskogo drejfa (na materiale transformatsij glagolov vezti, pait', sporit') (“Semantic reasons for grammatical drift (on the material of transformations of verbs *везму, наумь, спорить*”). *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 7, 54–69.
12. POPOVA, Z.D., STERNIN, I.A. (2007). *Yazyk i natsional'naya kartina mira* (“Language and national picture of the world”). Voronezh.
13. SAJ, S.S. (2014). Leksicheskie mekhanizmy grammaticheskogo drejfa: konstrukticii s dativnym sub'ektom v russkom yazyke XVIII-XXI vekov (“Lexical mechanisms of grammatical drift: constructions with a dative subject in the Russian language of the 18th-21st centuries”). *Acta Linguistica Petropolitana*, 3, 568–610.

14. THOMIÈRES-SHAKHOVSKAYA I. (2021). The Verb «Vejat'» in Modern Russian from the Perspective of the Lexical Semantics". *Cuadernos de Rusística española*, 17, 91-104.
15. SHCHERBA, L.V. (1974). O chastyah rechi v russkom yazyke v kn. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* (pp. 77–100). L.: Nauka.
16. GUZMÁN TIRADO, R. (2011). La semántica de los verbos que expresan «rotación. Perspectiva tipológica (sobre el material del español y el ruso). *Cuadernos de Rusística española*, 7, 13-19.
17. SHARIFIAN, F. (2011): *Cultural Conceptualizations and Language*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
18. WOLF, H.-G., LATIC, D., FINZEL, A. (2021). *Cultural-Linguistic Explorations into Spirituality, Emotionality, and Society*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.